

Людевит Штур

Славянство и мир будущего
Послание славянам с берегов Дуная

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Л93

Л93 **Людевит Штур**
Славянство и мир будущего: Послание славянам с берегов Дуная / Людевит Штур – М.: Книга по Требованию, 2023. – 200 с.

ISBN 978-5-518-08623-4

ISBN 978-5-518-08623-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Габсбургской Имперіи для Славянскихъ народностей, справедливо замѣчая: «Мы были до Австріи, будемъ и послѣ Австріи», и тѣмъ удачно исправляя свое прежнее изреченіе: «Если бы не было Австріи, Славяне должны бы были ее создать». Прежніе безусловные приверженцы самостоятельности не только въ отношеніи къ политикѣ, но даже и языку, мало по малу приходятъ наконецъ къ сознанию слабосилія отдѣльно взятыхъ Славянскихъ народностей и рѣшительной для нихъ невозможности уберечь и обезпечить свою народную самобытность отъ посягательствъ и захватовъ сильныхъ иноплеменниковъ, безъ нѣкотораго сближенія и извѣстныхъ союзовъ или договоровъ съ Россією, безъ принятія Русскаго языка за обще-Славянскій дипломатическій языкъ.

Мысль о внѣшнемъ сближеніи Славянскихъ племенъ съ Россією и объ обще-Славянскомъ значеніи Русскаго языка была основнымъ убѣжденіемъ Л. Штура. Ею проникнуто все его сочиненіе. Добросовѣстный читатель, даже и не согласный съ его направленіемъ, признаетъ въ сочинителѣ рѣдкія дарованія, высокой умъ, честное, ненавидящее неправду, сердце, горячую любовь къ свободѣ, Славянству и человѣчеству. Во всякомъ случаѣ, каждый мыслящій человѣкъ прочтетъ это блестящее произведеніе новѣйшаго Панславизма съ самымъ живымъ любопытствомъ. Это сочиненіе особенно будетъ дорого всѣмъ истинно Русскимъ людямъ, не привыкшимъ и у своихъ отечественныхъ писателей часто встрѣчать такую горячую, искреннюю любовь къ Россіи, такое гениальное предчувствіе ея незримыхъ, сокровенныхъ силъ и столь смѣлое прозрѣніе въ ея славное будущее. Еще недавно даровитый и любимый Русскій художникъ, въ своемъ добровольномъ отчужденіи отъ Россіи, изъ своего Нѣмецкаго далека, не замѣтилъ въ ней ни чего, кромѣ дыма, и предсказалъ ей спасеніе только въ рабски вѣрномъ подражаніи Западно-Европейской образованности, которую нашъ бар-

скій Эпикуреизмъ давно призналъ за единственно возможную, единую и общечеловѣческую. И лѣтъ 12 тому назадъ не писавшій красиво, а всею своею страдальческою и подвижническою жизнью на дѣлѣ доказавшій, что жизнь не есть наслажденіе, а борьба, отреченіе и долгъ, иноземный Славянинъ до конца глубоко вѣрилъ въ высокое и самобытное призваніе Россіи, не смущаясь ни крѣпостнымъ правомъ и безмолвіемъ, ни тупымъ равнодушіемъ и безсознательностью Русскаго общества, которое живо сочувствовало Мадырамъ и Мадыронамъ и давало влачить страшную, нищенскую жизнь Л. Штуру, лично преслѣдуемому Мадырами и Нѣмцами за его любовь къ Россіи. Вѣра его оправдала. Его лебединая пѣснь, его пророческій голосъ, во всеуслышаніе раздается впервые на Руси, когда уже спали съ нея оковы рабства, и наше общество начинаетъ сознать Славянское призваніе Россіи и ясно видитъ, что Русскимъ художникамъ предстоитъ иное высшее дѣло, чѣмъ писать красныя картинки на Нѣмецкія изреченія о Россіи, подслушанныя, или вычитанныя, ими въ прекрасномъ для нихъ, безъ сожалѣнія промѣненномъ на Русь, далекѣ. Для истинно Рускихъ людей память Штура дорога и священна! Про него смѣло можно повторить слова Пушкина:

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Да искупится же наконецъ наше прежнее безсердное равнодушіе и тупое невниманіе къ этому доблестному мученику и краснорѣчивому проповѣднику Славянской идеи. Любовь и почитаніе, которыми мы, Русскіе, обязаны его имени, перенесемъ къ его народу, въ короткое время давшему Славянству такихъ мужественныхъ подвижниковъ, какъ Коларъ, Шафарикъ, Кузман и Штуръ. И теперь не одна тысяча друзей, учениковъ и почитателей Штура, ведетъ глухую, но славную, борьбу съ изступленнымъ, Азіят-

скимъ фанатизмомъ Мадьяръ, изощреннымъ принятою ими Нѣмецкою образованностью и съ прямымъ содѣйствіемъ самихъ Нѣмцевъ, которые еще, къ несчастью, не перестали думать, будто ихъ священный долгъ истреблять и искоренять Славянство, гдѣ только можно. Наконецъ, современные Славянскіе дѣятели борются еще съ своею испорченною до мозга костей Шляхтою, измѣнившею народу и за честь себѣ вмѣняющею быть Мадьяронами, которые для Славянъ столько же хуже Мадьяръ, во сколько Потурченяки хуже настоящихъ Турокъ. При крѣпостномъ правѣ, когда направление «Вѣсти» было, можно сказать, господствующимъ въ значительной части образованнаго Русскаго общества, сочувствіе наше къ Венгерцамъ, т. е., къ Мадьярамъ и Мадьяронамъ, было совершенно естественно и понятно, ибо тогда дѣло Словаковъ, дѣло Штура и его друзей, было намъ не вразумительно и не любо, какъ не барское, не господское дѣло. Но теперь, кажется, можно бы ожидать отъ нашего общества иныхъ воззрѣній и сочувствій. Будемъ надѣяться, что изданіе настоящаго сочиненія Штура принесетъ намъ и ту пользу, что обратитъ наконецъ вниманіе многихъ и многихъ Русскихъ людей на три милліона Словаковъ, едва ли не самаго даровитаго и наиболѣе намъ, Русскимъ, сочувственнаго Славянскаго племени. Тамъ, въ величественныхъ Татрахъ и въ живописныхъ долинахъ Вага и Грона, на берегахъ Дуная, много уже (и постоянно возрастаетъ ихъ число) вѣрныхъ учениковъ и поклонниковъ Штура, свято соблюдающихъ его завѣтъ и преданія доблестныхъ борцовъ Славянства, добровольныхъ мучениковъ вѣры въ Россію и ея великое призваніе. Кто изъ насъ въ нее не вѣритъ и все въ ней считаетъ дымомъ, не оскорбитъ, надѣмся, своими шляхетскими насмѣшками ихъ чистой вѣры, дающей имъ силу выносить тяжелую борьбу. Кто въ Россію вѣритъ и былъ къ Славянству равнодушенъ по невѣдѣнію, или недоразумѣнію, тотъ оцѣнитъ жизнь и мысли

Людевита Штура, * и въ собственной душѣ найдетъ указанія на обязанности истинно Русскаго человѣка по отношенію къ нашимъ соплеменникамъ, и особенно къ ближайшимъ нашимъ братьямъ, Словакамъ, плотною массою населяющимъ весь сѣверъ Угорщины, отъ Русскихъ Карпатъ по Дунай у Пресбура, и весь востокъ Моравіи. Ближайшіе сосѣди и друзья Угорской Руси, Словаки, служатъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Мораванами и Чехами съ одной, и черезъ свои многочисленныя и цѣтущія поселенія въ средней Угріи между Тисою и Дунаемъ, между Русью и Сербамъ и Хорватами съ другой стороны. Если Русскому языку дѣйствительно суждено быть общеславянскимъ дипломатическимъ языкомъ, то его распространеніе у Славянъ произойдетъ преимущественно черезъ Угорскую Русь и Словаковъ. И теперь уже между самими крестьянами Словаками вы найдете сотни людей, превосходно говорящихъ по Русски, особенно въ Турчанской Столицѣ (Округѣ). **

В. Ламанскій.

Москва.

23 Апрѣля, 1867.

* Жизнеописаніе Штура можно прочесть въ «Русской Бесѣдѣ» 1861, I, въ Смѣси, стр. 50—60.

** Большая часть перевода сдѣлана мною, остальная же мною лишь исправлена, а переведена нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, которымъ и приношу мою чувствительную благодарность.

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

Пора, Братья, сговориться намъ. Настоящее своимъ строгимъ, важнымъ, голосомъ призываетъ насъ къ дѣлу, а для этого всего нужнѣе предварительное соглашеніе.

Выслушайте этѣ рѣчи; цѣль ихъ—взаимное соглашеніе между всѣми нами, Братья. Выслушайте ихъ вы, Братья пространнаго, могучаго, Сѣверовостока и порабощеннаго Юга, и вы, Западные Братья, состоящіе въ сокрушающемъ васъ услуженіи чужеземцамъ. Внемлите словамъ моимъ во всѣхъ земляхъ и во всѣхъ округахъ, гдѣ только раздается Славянская рѣчь: ознакомьте съ ними всѣхъ, кто только можетъ ихъ понять и чувствуетъ въ себѣ силы на дѣло! Мы еще никогда не сговаривались, но за то никогда и не дѣйствовали сообща, между тѣмъ какъ мы всѣ, родные братья, испытали одинаковую судьбу и наследуемъ одно и то же будущее.

Искренна и откровенна, строга и мужественна, будетъ эта рѣчь, исходя изъ груди человѣка, котораго вниманіе съ ранней юности живо занято судьбами нашего племени, взоръ котораго печально созерцалъ наше многострадальное прошедшее и сіялъ радостно передъ картиною нашей великой, чудной, будущности, который самъ трудился и страдалъ для нашего племени и никогда не поддавался виѣшнимъ противнымъ вліяніямъ. Но о томъ пусть свидѣтельствуемъ само посланіе наше.

Да не смущается никто, что идея Славянская раскрывается здѣсь впервые съ такою подробностью, да не пугаются слабыя души откровенностью нашей рѣчи! Мы должны же наконецъ, если только хотимъ согласиться и дѣйствовать за одно, поставить себѣ

общую цѣль. Наши силы прибываютъ съ каждымъ днемъ, а силы враговъ нашихъ слабѣютъ и падаютъ. Если только смѣло примемъ за дѣло, насъ ожидаетъ рѣшительная побѣда, а враговъ нашихъ рѣшительное пораженіе. Ни какая сила въ мірѣ, ни какія Правительства, уже болѣе не въ состояніи потоптать наши народности, посяція въ себѣ идеи будущаго. Счастье и несчастья будутъ имъ благопріятствовать; подъ ведромъ и непогодою, подъ громомъ и молніею, будутъ онѣ созрѣвать. Таково уже естественное развитіе! Бѣдствія, угнетенія и преслѣдованія только закаляютъ наши силы, подвигнутъ нашъ духъ, укрѣпятъ наши воли; а для нашего великаго дѣла мы нуждаемся въ силахъ, отвагѣ и смѣлости, въ желѣзныхъ, непреклонныхъ, воляхъ. Итакъ, Братья, да будетъ рѣчь эта искренна и мужественна!

Кто изъ васъ, увлеченный думою, не отворачивался отъ будничныхъ заботъ и не обращалъ своихъ взоровъ на нашъ обширный міръ? Кто изъ васъ не скорбѣлъ изъ глубины души объ этомъ многочисленномъ народѣ, о тысячекратныхъ бѣдствіяхъ, его преслѣдующихъ, о бремени, надъ нимъ тяготеющемъ, о позорѣ, его покрывающемъ? Да, несказанно велики несчастія нашего народа. И если глубоко тронутый наблюдатель задастъ себѣ вопросы, какъ это случилось, какъ это могло произойти, то въ первое время, вмѣсто отвѣта, онъ становится безмолвнымъ отъ грусти. Въ самомъ дѣлѣ, раздираетъ душу зрѣлище, представляемое народомъ, многочислѣннѣйшимъ въ Европѣ, раздѣленнымъ, разбитымъ, разорваннымъ. Тамъ онъ томится подъ игомъ Турокъ, здѣсь отъ вѣка служитъ Нѣмцамъ, прежней Священной Римской Имперіи, теперь Австрійцамъ, Прусакамъ и Саксонцамъ; тамъ онъ поглощается и порабощается Итальянскою, здѣсь Мадьярскою, стихіею, повсюду запряженъ въ триумфальную колесницу чужеземцевъ, только предлагаетъ изъ себя матеріалъ для чужихъ построекъ и, въ награду за все это, еще покрывается насмѣшками, стыдомъ и позоромъ. Жалостно видѣть, какъ значительная часть этого народа на берегахъ Лабы и Одры, по берегамъ Поморья Балтійскаго, уже вся вымерла подъ тяжкимъ игомъ Нѣмцевъ, на сѣверѣ отъ Италіи перешла въ чужую народность, а въ Турціи отпала отъ Вѣры своихъ отцовъ и стала главною опорою угнетателей своей родины. Таково зрѣлище, поражающее пробужденное чувство Славянина; ибо что

инное могутъ ему представить могилы и развалины его народа, его міра? Многіе изъ насъ глубоко чувствовали печаль по этому, и выразили ее въ грустныхъ жалобахъ. Въесто многихъ, приведемъ только Николая Томассео (Томашича), который, хотя и служить другимъ, вспомнивъ, однако, свое происхожденіе, изъ чужа бросилъ сочувственный взглядъ на Славянскій міръ и свою глубокую горестъ краснорѣчиво выразилъ въ прекрасныхъ «Искрицахъ.» Въ 27 Искрицѣ говоритъ онъ:

«Расторгнуты твои члены, славный народъ Славянскій, но еще волнуется въ нихъ общинная жизнь, всякій день твоя кровь течетъ и кипитъ веселѣе. Долговременна была у тебя зима студеная и бурная, но и для тебя настаютъ теперь вешніе дни, и для тебя распускаются цвѣты, политые многими слезами. Многознаменательно твое возрожденіе. Какъ сестра похожа на сестру, такъ и племена твои походятъ одно на другое, народъ любезный; твои нарѣчія обличаютъ святое и безсмертное свое братство. Многознаменательно твое возрожденіе. Но обширныя равнины и степи, подобно морю, отдѣляютъ братьевъ отъ братьевъ; бѣдный сынъ не знаетъ происхожденія своей матери. Жалкіе мы: намъ легче ненависть, нежели любовь, мы скорѣе разлучаемся, нежели сходимся, руки наши скорѣе убиваютъ, чѣмъ обнимаютъ братьевъ. Мы доселѣ мало старались о томъ, чтобы ближе узнать другъ друга, чтобы подать другъ другу руки и братски обняты между собою. Мы допустили, что несчастія разсѣяли насъ, какъ разноситъ вѣтеръ солому. Все у насъ неопредѣленно: выговоръ, правописание, наука, правленіе, обычаи. Все должно быть создано: подвигъ великъ, но еще больше будетъ радость. Поклонимся славной судьбѣ, насъ ожидающей, вооружимся твердымъ терпѣніемъ, великодушнымъ смиреніемъ. Не время еще намъ восиѣвать славу нашу. Какъ человѣкъ, носящій великую ношу, трудится и переводитъ духъ, такъ и мы будемъ усиленно работать, и трудомъ приобрѣтемъ себѣ тяжкій вѣнецъ спасительной свободы.»

Мало того, что Славянскій міръ отъ своихъ злосчастныхъ раздѣлений и раздоровъ представляетъ теперь по большей части одніе развалины, на которыхъ въ теченіе вѣковъ печально возсѣдаетъ геній Славянства, подобно Изидѣ, плачущей надъ разсѣянными костями Озирида. Въ этомъ злополучномъ распаденіи, къ довер-

ленію своего несчастія. Слѣдяне, какъ справедливо замѣчаетъ Томасео, не забыли, однако, о своемъ общемъ происхожденіи и родственныхъ узахъ, о своемъ братскомъ единствѣ. Въ эту глухую ночь, въ эти темныя, печальныя, времена, когда ихъ тѣло лежало, казалось, бездыханно, а отдѣльные его члены были раздраемы и истребляемы чужеземцами, ни одно племя не думало о нуждахъ другого, но, отдавшись чужимъ повелителямъ, служило орудіемъ для притѣсненія и дальнѣйшаго порабощенія своихъ братьевъ. Въ эту мрачную ночь, когда все позабыло другъ друга, иногда, какъ бы во снѣ, раздавался голосъ, напоминавшій о нашемъ общемъ происхожденіи, то слабѣе, то сильнѣе, смотря по силамъ и дарованіямъ подававшего голосъ въ этомъ глубоко павшемъ Славянскомъ мірѣ. Но одиночны были эти голоса, въ которыхъ изрѣдка духъ Славянства сознавалъ свое усиленіе. Такіе голоса, напоминающіе расправившимся Славянскимъ племенамъ объ общемъ происхожденіи и объ утраченномъ единствѣ, подавались въ Славянскомъ мірѣ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, Несторомъ, Св. Прокопомъ, Далимиломъ, Писецкимъ ¹ т. д., и съ ними, какъ и со всѣми преданіями, связано сознаніе общаго происхожденія у всѣхъ нашихъ племенъ, которое проходитъ цѣлыя столѣтія и никогда вполнѣ не вымирало. Эти преданія иногда выражаются очень ясно объ общности происхожденія нашихъ племенъ, какъ, на примѣръ, о выселеніи трехъ братьевъ, Чеха, Ляха и Руса, изъ одной и той же земли, или представляютъ это аллегорически, какъ, на примѣръ, одна старинная народная сказка, рассказывающая о братьяхъ, которые, въ слѣдствіе домашнихъ раздоровъ, покинули свой отчій домъ и пошли блуждать по дальнему свѣту, за исключеніемъ старшаго, вступили въ службу чужеземцамъ, и наконецъ, послѣ тяжелыхъ испытаній, съ примиреннымъ духомъ, всѣ снова возвратились домой, и уже всѣ жили потомъ въ мирѣ и согласіи. ² Есть эпохи у отдѣльныхъ Сла-

¹ Эти свѣдѣтельства гораздо многочисленнѣе. Они подробно рассмотрѣны въ моихъ «Чтеніяхъ о Славянской Исторіи», приготавливаемыхъ нынѣ къ печати. В. Л.

² Въ этомъ отношеніи къ Слѣдянамъ легко примѣняются стихи Лермонтова:

«Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общаѣ доля,
Возродило желаніе одно.» В. Л.

вянскихъ племенъ, когда они достигали извѣстнаго развитія силъ и, въ слѣдствіе выше упомянутаго смутнаго сознанія, стремились къ единству. Такъ жила въ могучихъ Гуситахъ (при чемъ мы совершенно соглашаемся съ Русскимъ писателемъ, Елагинымъ, въ противность Палацкому), память о нѣкогда общей всѣмъ нашимъ племенамъ, Греческо-Славянской Церкви, по чему и Гуситы сносились съ Цареградскимъ Патріархомъ о присоединеніи ихъ къ Православной Церкви: ³ такъ, между прочимъ, и многіе энергиче-

³ Статья Г. Елагина объ Исторіи Чехіи Ф. Палацкаго въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1848 г., кн. 7, IV, стр. 1—44). Подробнѣе и лучше объ этомъ у Г. Новикова (такъ же, кн. 9, IV, стр. 94 и слѣд.) съ прим. Бодяискаго: «Православіе у Чеховъ», и въ особомъ сочиненіи «Гусъ и Лютеръ.» Москва 1859 г., 2 ч. Отсылая читателя къ моимъ «Чтеніямъ, приготовленнымъ къ печати, укажу здѣсь на одно важное свѣдѣтельство самаго друга Гусова, Геронима Пражскаго, приводившаго въ связь ихъ ученіе съ древнимъ Православіемъ въ Чехіи. На это свѣдѣтельство не обратили должнаго вниманія ни Палацкій, ни Неандеръ (*Allgem. Gesch. d. christl. Religion und Kirche*, 3 Auflage, Gotha 1856. 2 B. 2 Abth. Ss. 767 и слѣд., и особенно стр. 872—877), ни Новиковъ (?), ни Круммель (*Gesch. d. böhmischen Reformation im 15-ten Jahrh.* Gotha 1866, 8°, X und 678. Трудъ почтенный!). Въ засѣданіи 26 Мая, 1816 г. (вторникъ), на Констанцкомъ Соборѣ, Геронимъ въ рѣчи своей указалъ на многихъ славныхъ мужей и въ міра классическаго и Ветхозавѣтнаго, наконецъ на первоученика Стефана. «*Et descendendo ad speciem, dixit, quod per neminem condemnaretur, nisi per suos de Bohemia et Teutonicos, qui odio ipsum haberent. Et allegando causam odii dixit, incipiendo, qualiter Regnum Bohemiae fuisset constructum, et Bohemi descendissent a Graecis. Et quomodo fuisset invidia inter Graecos et Teutonicos, et tandem devenisset illud Regnum Bohemiae ad manus Imperatoris Caroli IV...* (V. d. Hardt *Conc. Const. t. IV*, p. 755). Конечно, тутъ разумеется происхожденіе, начало не въ смыслѣ этнологическомъ, а религіозномъ, церковномъ. Палацкій нашелъ въ молитвенникѣ Чешскаго Брата Коранды (въ Пражской Унив. Библіотекѣ) слѣдующее любопытное его примѣчаніе: «О, если бы Чехи увидали, что Папа со своими есть Церковь Западная, и, оставивъ ее, обратилась бы къ Восточной, и устроила ее (у себя), достали бы себѣ Епископовъ своего языка, а не Нѣмцевъ и не Итальянцевъ! Тогда бы (мы) достигли свободы Христіанской Вѣры, и какъ относительно Причащенія въ обонхъ видахъ, такъ и вообще дѣла пошли бы своимъ настоящимъ путемъ. И не было бы надобности брать паліевъ изъ Рима, ибо это очевидно святопродавческая ересь.» (*Dějiny národu českého*. Praha. 1865. D. V, str. 351). Также прибавляетъ Палацкій, что въ XV в. Чашниковъ Чешскихъ часто упрекали за то, что если между ними появится какой ни будь Грекъ, Русь, или Сербъ, то они обыкновенно ухаживали за ними съ такими особенными ласками, какъ будто они были лучше иныхъ Христіанъ. Укажемъ на весьма любопытное свѣдѣтельство очевидца, не отмѣченное ни Палацкимъ, ни

скіе Славянскіе Государи, какъ, на примѣръ, Само (623—662), Велико-Моравскіе Ростиславъ (846—870) и Святополкъ (871—894), Хорватскій Жупанъ Людевитъ († 823), Сербскій Царь Душанъ (1336—1355), Чешскій Брячиславъ (1024—1061) и Польскій Болеславъ Храбрый (992—1025), стремились присоединить къ своимъ Монархіямъ всѣ сосѣднія племена. ⁴ Впрочемъ, все это было отры-

Гиндели (*Gesch. d. Böhm. Brüd. Prag 1857. I, 67—69*), между тѣмъ какъ оно служитъ важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ извѣстнаго посланія Цареградскаго 1462 г. къ Чехамъ. Разумѣю «*Ubertini Pusculi Brixienis Constantinopoleos libri IV* (новѣйшее изданіе Эллисена (*Elissen, Analecten d. mittel-und neugriech. Literatur. Leipzig 1837. 3 Th. Anhang*). Здѣсь, во 2 кн. (II, v. 498—558) Пускуло рассказываетъ, какъ очевидецъ, о пребываніи въ Цареградѣ, на кануны его взятія Турками, одного пламеннаго Чеха, Гусита, о сочувствіи къ нему Грековъ и объ его обличительныхъ рѣчахъ противъ Римской и похвальныхъ въ пользу Греческой Церкви. Православные Сербы, современники Гуса, считали его Православнымъ (см. Григоровича: *О Сербіи. Казань 1859, стр. 55*).

⁴ Штуръ забылъ Чешскаго Короля Оттокара II (1253—1278 г.). Одному Римскому Кардиналу онъ жаловался на постоянное предпочтеніе Нѣмцевъ Славянамъ. «И неприлично, тяжело и предосудительно, и для насъ, и для Королевства нашего, и для языка (народа) Славянскаго, что какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ братья Минориты различными прижимками до того подавлены, что не могутъ также свободно совершать божественныхъ Таинъ и другихъ своихъ обязанностей, какъ то проповѣди и исповѣди, какъ это совершаютъ того же ордена иноудцы, посѣщающіе ихъ края. Для отстраненія ихъ (Славянъ) посылаются братья Нѣмецкаго языка въ отдѣльные дома этого ордена въ нашемъ Королевствѣ и въ Княжествахъ Польскихъ, тогда какъ братья Славянскаго языка рассылаются къ чужимъ народамъ, гдѣ они бесполезны, такъ что это обращается въ величайшій вредъ для душъ рода Славянскаго. Въ презрѣніи къ намъ и къ нашему роду, запрещается сказаннымъ братьямъ Чехіи и Польши ихъ начальниками избирать себя изъ своей среды прелатовъ, какъ это дѣлаютъ другіе народы (см. *Ratasky Gesch. v. Böhmen. Prag 1847. II B. I Abth. S. 287*).

Да, непривольно было Славянамъ Католикамъ въ Римско-Нѣмецкомъ мірѣ. Ни Нѣмцы, ни Римъ, никогда имъ волюгѣ не довѣряли. И такое отстраненіе Славянъ входило въ политику и Нѣмцевъ и Рима. Польскій Сенаторъ, Янъ Остророгъ, въ своей запискѣ, представленной Петрковскому Сейму въ 1459 г., такъ жаловался на Нѣмецкое духовенство въ Польшѣ: «Дурно и позорно для Поляковъ, что во многихъ у насъ церквахъ говорятъ проповѣди по Нѣмецки, и то въ мѣстахъ богатыхъ и важныхъ, гдѣ Нѣмецкую проповѣдь слушаютъ дѣтъ какія пи будь бабы, между тѣмъ какъ огромная толпа Поляковъ толчется гдѣ ни есть въ углахъ съ своимъ проповѣдникомъ. Кто хочетъ жить въ Польшѣ, пусть учится по Польски... «Господа, правящіе Государствомъ, какъ же вы неразумны и можете переносить,